
УДК 82.0 (470)
ББК 83. 3 (2=Рус)5
Х 25

Хаткова И. Н.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета; e-mail: iren714@mail.ru

**Художественный историзм и романтическая поэтика романа
И.И. Лажечникова «Последний Новик»
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматривается исторический роман И.И. Лажечникова «Последний Новик» в контексте русской и западноевропейской исторической прозы 1820-1830-х годов. Отмечается необходимость разграничения романа об историческом прошлом и исторического романа, представленного в творчестве писателя. Показано, что И.И. Лажечников в соответствии с центральной идеей своего романа отбирал и группировал исторические реалии, строил образы и картины, стремясь сообщить им символическую емкость и высокую поэтическую выразительность. Установлено, что в этом романе Лажечников впервые в русской литературе развернул широкую историческую панораму одной из самых героических эпох русского прошлого.

Ключевые слова:

Исторический роман, историческая беллетристика, историзм, романтическая эстетика, этнографическая экзотика, поэтика контрастов, многосюжетность, историческое правдоподобие, романтический герой.

Khatkova I.N.

Candidate of Philology, Associate Professor of Literature and Journalism Department, Adyghe State University; e-mail: iren714@mail.ru

**Art historicism and romantic poetics of the novel of I.I.Lazhechnikov
“The Last Novick”**

Abstract:

This paper discusses I.I. Lazhechnikov’s historical novel “The Last Novick” in the context of the Russian and West European historical prose of the 1820-1830s. The author shows that it is necessary to differentiate the novel about the historical past and the historical novel presented in creativity of the writer. I.I. Lazhechnikov selected and grouped historical realities and built images and pictures according to the central idea of the novel, aspiring to provide them with symbolical capacity and high poetic expressiveness. It has been established that in this novel Lazhechnikov developed for the first time in Russian literature a wide historical panorama of one of the most heroic eras of the Russian past.

Keywords:

Historical novel, historical fiction, historicism, romantic esthetics, ethnographic exotic, poetics of contrasts, many-plot composition, historical verisimilitude, romantic hero.

Изучение русской литературы первых десятилетий XIX века не может быть оторвано от исследования вопросов, связанных с русским историческим романом (возникнув в конце 1820-х, начале 1830-х годов, исторический роман сразу становится одним из ведущих прозаических жанров), а следовательно, и творчества И.И. Лажечникова как яркого представителя этого жанра. Вершиной русской исторической беллетристики 1830-х годов стали три законченных исторических романа И.И. Лажечникова (1792 - 1869), каждый из которых являлся выдающимся событием русской литературной жизни. По словам Ф.Б. Бешуковой, необходимо разграничить «исторический роман и роман об историческом прошлом. Исторический роман – это художественное произведение, темой которого является историческое прошлое (некоторые исследователи обозначают хронологические рамки – не ранее, чем 75 лет до написания текста, то есть жизнь трех поколений). Художественной целью и задачей художника является воспроизведение и исследование важнейших характеристик известной личности, показ взаимосвязи личности и эпохи.

Роман об историческом прошлом также обращен в историю, но, в отличие от исторического романа, в нем в качестве главных персонажей не фигурируют исторические личности, не затрагиваются широкие исторические события, хотя сюжет романа зачастую построен на проблеме судьбы отдельного человека в какой-то переломный исторический момент» [1: 14]. Творчество И.И. Лажечникова представлено именно таким жанром, как исторический роман.

Первый роман Лажечникова был «Последний Новик», задуманный в 1826 году, когда русского исторического романа еще не существовало. Роман выходил частями в 1831 – 1832 гг., имел в публике шумный успех и был провозглашен «лучшим из русских исторических романов, донныне появившихся» [2: 9].

Задумывая роман, Лажечников прежде всего вырабатывал «идею» исторической эпохи в целом, отдельных характеров и эпизодов. В соответствии с «идеей» он отбирал и группировал исторические реалии, строил образы и картины, стремясь сообщить им символическую емкость и высокую поэтическую выразительность. На этом пути романист Лажечников делает основные свои находки.

Автор понимал центральную идею своего романа как «любовь к народной славе». «Чувство, господствующее в моем романе, - писал он, - есть любовь к отчизне. В краю чужом оно отсвечивается сильнее; между иностранцами, в толпе их, под сильным влиянием немецких обычаев, виднее русская народная физиономия. Даже главнейшие лица из иностранцев, выведенные в моем романе, сердцем или судьбой влекутся необоримо к России. Везде родное имя торжествует; нигде не унижено оно - без унижения, однако ж, неприятелей наших того времени, которое описываю».

Лажечников обращается к эпохе, которая как нельзя более способствовала развитию этой «идеи». Действие романа происходит в первые годы XVIII века, во время Северной войны, которую вела молодая петровская Россия за выход к Балтийскому морю.

Эта борьба совпала исторически со стремлением Ливонии, страдавшей под властью Швеции, обрести свободу от экономического и национального гнета. Тема любви к отчизне получает у Лажечникова сложную разработку, вступает во взаимодействие с темой исторических судеб России и Ливонии. Просветительский пафос петровских преобразований влечет к России сердца ливонских подданных Карла XII. Шведский король способен был увлечь за собой юношество, но зрелому государственному уму Паткуля было открыто, что его истерзанная отчизна обретет мир и покой лишь в союзе с новой Россией.

Как художник, Лажечников стре-

мится к тщательному изучению и правдивому изображению исторического прошлого. Писатель тщательно изучал такие материалы для своего исторического романа, как старинные немецкие исторические словари, рукописи канцлера графа И.А. Остермана, книги И.И. Голикова «Деяния Петра Великого» (12 частей), и «Дополнения к деяниям Петра Великого» (18 томов), «История Карла XII» Вольтера и др.

Изображение быта и нравов помещиц Лифляндии составляет сильную сторону романа. Тщательно и подробно воссоздается местный колорит, напоминаются необходимые страницы из истории Лифляндии. Значительное место в романе занимают описания местной природы, связанные с прошлым края. Ливония (Лифляндия), страна с ее суровой дикой природой, с народом, непохожим на русских по языку, религии, нравам, обычаям, была для русской литературы тем же, чем после романов Скотта стала Шотландия для английской. Лажечников понимал достоинства ливонской темы. Он показал столкновение русских со шведами на территории, которая, с одной стороны, была достаточно хорошо знакома русским, с другой – сохраняла для них черты исторической и этнографической экзотики.

Картина исторических событий играет роль фона, на котором разворачивается вымышленное романическое действие. Повествование в романе «Последний Новик» складывается из нескольких сюжетных линий, связанных между собой по принципу динамического параллелизма.

Первая сюжетная линия связана с главным героем романа, молодым человеком, который в силу своего рождения (он незаконный сын царевны Софьи и князя Василия Голицына) и политических обстоятельств (в юные годы чуть не стал убийцей царя Петра) стал изгнанником и был вынужден скитаться вдали от горячо любимой им родины. Когда началась война между Россией и Швецией, Новик тайно стал помогать русской армии, вторг-

шейся в Лифляндию. Так возникла драматическая ситуация в романтическом духе. Последний Новик одновременно и герой и преступник: он тайный друг Петра и знает, что Петр враждебно относится к нему. Ситуация разрешается тем, что Новик возвращается на родину тайно, получает прощение, но, уже не чувствуя в себе силы для участия в петровских преобразованиях, уходит в монастырь, где и умирает.

Вторая сюжетная линия практически не связана с первой. Это любовь и соперничество двух братьев Траутфеттеров Густава и Адольфа к Луизе Зегевольд. Здесь чувствуется влияние трагической ситуации соперничества братьев у Скотта в романе «Сен – Ронанские воды».

Третья сюжетная линия романа – деятельность исторического лица, лифляндского дворянина Паткуля, сражавшегося на стороне Петра I и казненного Карлом XII.

Четвертая сюжетная линия – это история ливонской крестьянки (у Лажечникова – дворянки) Марты Скавронской (у Лажечникова – Катерины Рабе), служанки пастора Глюка (у Лажечникова – воспитанницы пастора), которая становится женой Петра I.

В центре романа крупные исторические события, описание бурной эпохи, когда борьба русских за выход к морю совпала со стремлением Ливонии сбросить с себя власть Швеции, освободиться от ее гнета. Изображая Ливонию, писатель видит ее настоящих патриотов и людей, которые именуют себя «патриотами», но по сути чужды интересам своей страны, как баронесса Зегевольд и ее секретарь Никлазон или барон Фюренгоф. Наряду с изображением борьбы Петра с внешним врагом в развитии произведения видное место отведено и борьбе с внутренними врагами – раскольниками и царевной Софьей.

«Исторические экскурсы автора, предыстории героев и их последующие судьбы широко раздвигают границы романа во времени и пространстве. Перед читателем раскрываются многострадаль-

ные судьбы Ливонии, которая веками служила ареной столкновения интересов ее могущественных соседей. Лифляндское дворянство от баронессы Зегевольд и преступного скряги барона Фюренгофа до ревностного патриота своей страдающей отчизны Иоганна Паткуля, многоликая челядь знатных бар, забитый и нищенствующий «черный» народ – таков диапазон лиц и типов, выведенных в романе Лажечникова. Особое место среди героев «Последнего новика» занимают те, кто затронут просветительскими идеалами и уже в силу этого способен оценить великие начинания Петра, - пастор Глик и его воспитанница Кете Рабе (будущая Екатерина I), медик Блуменрост, Адам Бир и др. Местом действия становятся имение баронессы Зегевольд, поле боя, русский военный лагерь, раскольничьи скиты, подмосковный Симонов монастырь, где проводит остаток жизни главный герой романа – последний новик Владимир» [3: 11]

В романе действуют подлинно исторические лица: Петр I, Екатерина I, его жена, сподвижник Петра – лифляндский дворянин Иоганн Рейнгольд Паткуль (1660-1707), пастор Глик – исторический Эрнст Глюк (1652-1705), Б.П. Шереметев, шведский главнокомандующий Шлиппенбах, соратник Петра «Алексаша» или князь Меньшиков, враг Петра – князь Мышицкий или глава раскола Андрей Денисов, Софья Алексеевна и другие.

Используя тот или иной исторический материал, Лажечников старается сделать его заметным. В подстрочных примечаниях даются ссылки на источники, которые должны подчеркнуть документальность, достоверность описываемых событий, создать иллюзию исторической правды. Это может быть ссылка на устные сведения, полученные от местных жителей, либо на печатный источник. Подобные ссылки, с одной стороны, выражают стремление показать знание эпохи, щегольнуть богатой документацией, с другой – являются своего рода внушением:

читатель посвящен в источник, ему предлагается поверить в подлинность изображаемого, а между тем конкретные образы и факты подчас лишены исторической достоверности и поступки исторических лиц искажены в угоду романической интриге. Здесь чувствуется несомненное влияние поэтики романов В. Скотта, важнейшим приемом является научная скрупулезность, внимание к историческим документам, специальным разысканиям. Это своеобразная «игра в историю».

Увлечение историческим колоритом сказалось и в способах введения цитат из исторических документов. Цитата – наиболее простой метод использования документа, к которому прибегают почти все исторические романисты. У Лажечникова цитация откровенная, неприкрытая, он старается сделать цитату заметной. Цитаты подобраны умело, хорошо вливаются в диалог и были бы незаметны, если бы сам автор не стремился обратить на них внимание, выделяя их курсивом.

Роман Лажечникова населен историческими персонажами, которые появляются эпизодически, играют композиционно второстепенную роль, хотя в то же время они расположены не на периферии, а ближе к центру, достаточно активно участвуя в развитии действия. Таковы шведский генерал Шлиппенбах и лифляндский дворянин Паткуль на службе русского царя, характеры которых Лажечников толковал по-своему. Но он точно следовал исторической хронологии и историческим документам, находившимся в его распоряжении.

В изображении Петра I Лажечников отступает от этого принципа. Как у Скотта, император держится на периферии романа, появляется на последних страницах, чтобы простить Новика и устроить свадьбу Густава Траутфеттера.

Но, в отличие от Скотта, изображающего королей со всеми достоинствами и недостатками, Лажечников идеализирует Петра и его сподвижников. Вокруг

Петра с первых страниц романа возникает некая аура всеобщего восхищения. О нем непрерывно говорят, он вдохновитель всех действий исторических персонажей, в нем воплощается настоящее и особенно будущее могущество России и т. д.

Но Лажечников довольно свободно обращается с историческим материалом. Это касается и изображения главного героя, и прошлого Екатерины I и пр. В романе не следует искать точного воспроизведения истории и ее деятелей. Исторический облик таких героев, как Паткуль или Кете Рабе, деформирован идеализирующей и романтизирующей авторской «идеей». Но есть у Лажечникова персонажи (воплощающие к тому же важнейшие стороны его творческого замысла), связь которых с «грубой» земной реальностью чисто условна, существом своим их образы принадлежат миру поэзии. Таков Конрад из Торнео – слепой музыкант, спутник скитальца Владимира. Душа поэта-провидца живет в нем своей особой жизнью, не связанной временной, земной оболочкой. Или Елисавета Трейман – маркитантка Ильза, без остатка предавшаяся идее мщения своему обольстителю Фюренгофу. В образе этой «чухонской девки» Лажечников создал свой вариант романтической девы-мстительницы. Олицетворение порока – сын Ильзы, унаследовавший от своего отца Фюренгофа низменную страсть к накопительству.

Все действующие лица связаны в один узел трагической судьбой «последнего новика», рядом нравственно-психологических коллизий и цепью исторических событий. Это образ непризнанного, вынужденного таиться героя – одиночки, который оказывает сильное влияние на ход событий. По существу, Новик не несет в себе никакого исторического содержания, не выражает никакой определенной исторической тенденции.

Владимир – лицо вымышленное, наделенное исключительной, трагической судьбой. Незаконный сын царевны

Софьи и князя Василия Голицына, он от рождения обречен на роль антагониста Петра. После покушения на жизнь молодого царя Владимир бежит на чужбину. С годами он сознает историческое значение петровских реформ и полагает целью жизни искупить свою вину перед отчизной и отомстить тем, кто воспитал в нем ненависть к новым порядкам.

Канва вымышленной истории Владимира позволяет Лажечникову связать «лифляндские» события романа с общерусскими, историю Северной войны с предшествующими и последующими событиями жизни Петра – от его борьбы с Софьей и вступления на престол до победы над шведами и основания столицы на Неве. Сопричастные судьбе последнего новика, на сцене романа появляются и сам Петр, и его ближайший соратник «Алексаша», ставший из неизвестного плебея всемогущим князем Меншиковым, и упорный враг дела Петра бывший князь Мышитский, потом – глава раскольников Андрей Денисов.

Между тем композиционная роль образа последнего Новика в романе исключительно велика. Здесь можно говорить о влиянии романов В. Скотта. Главный герой, будучи вымышленным персонажем, находится между двумя лагерями (русскими и шведами) и попеременно действует то в одном из них, то в другом.

Однако Владимир Лажечникова более похож на байронического, чем на скоттовского героя. У Скотта обычно молодые люди безукоризненно нравственны, чисты и благородны в своих намерениях. У Лажечникова же он шпион. Самый облик Владимира тоже более соответствует герою романтической поэмы, носителю бурных страстей, которые отразились в его внешности.

Г. Лукач, описывая тип главного героя, связывает его не только с необходимостью изображения взаимосвязи истории и судьбы частного человека, но и с вальтер-скоттовской концепцией исторической необходимости: «Он <В. Скотт> избирает

“средний путь” между крайностями и пытается художественно продемонстрировать историческую реальность этого пути изображением великих кризисов английской истории. Эта главная тенденция находит свое немедленное воплощение в способе, которым он организует сюжет, и в выборе главной фигуры. Герой романов Скотта обычно более или менее заурядный средний английский джентльмен» [4: 32].

Чтобы соединить в общем сюжете историческую и романическую линии действия, Лажечников совместил в своем повествовании разные литературные традиции. В «Последнем новике» отозвались исторические романы В. Скотта и роман его американского последователя Ф. Купера «Шпион»; многие сцены и фабульные ситуации вызывают в памяти «черный» роман ужасов; в любви Луизы Зегевольд к брату ее суженого слышится тема повести В. Ирвинга «Жених-призрак»; не раз отзываются у Лажечникова излюбленные мотивы, приемы и образы романтической поэзии и новеллистики.

По словам Н.Н. Петруниной, уже в «Последнем Новике» излюбленный прием Лажечникова-художника – поэтика контрастов. Его герои либо влекутся сознательно или бессознательно к свету и добродетели, либо служат вместилищем низменных пороков (как Элиас Никласзон), злобного изуверства (как лажечни-

ковский Андрей Денисов, далеко ушедший от своего исторического прототипа). Когда же Лажечников стремится сообщить человеческую объемность образам своих любимых героев и найти объяснение трагическому исходу их жизни, страдальческой и героической, он отдает дань просветительской идее противоположности между страстью и долгом. Два героя «Последнего Новика» возвышены над повседневностью силой своего патриотического чувства – это Рейнгольд Паткуль и Владимир, последний новик» [5: 11]. Первый из них внушил страсть швейцарке Розе, которая жертвует возлюбленному всем, вплоть до своей жизни. Другой вариант этой коллизии – в судьбе Владимира. Всепоглощающая жажда мести Андрею Денисову, который не только воспитал в мальчишке-новике ненависть к Петру, но всеми силами препятствует возрождению юноши к новой жизни, доводит отчаявшегося Владимира до самосудного убийства. И в тот момент, когда его тайная служба родной стране принесла русским победы в Ливонии, а ему – прощение Петра, своим преступлением он лишает себя достигнутого, обрекает себя на покаянное заключение в стенах монастыря.

В «Последнем Новике» Лажечников впервые в русской литературе развернул широкую историческую панораму одной из самых героических эпох русского прошлого.

Примечания:

1. Бешукова Ф.Б., Жачемукова Б.М. Художественная специфика жанра исторического романа // Вестник АГУ. – Майкоп, 2011. - Вып. 1(70). – С.13-19.
2. Петрунина Н.Н. Романы И.И. Лажечникова. // И.И. Лажечников. Сочинения. В 2т. – Т.1. – М., 1987. – С.5-20.
3. Петрунина Н.Н. Романы И.И. Лажечникова. // И.И. Лажечников. Сочинения. В 2т. – Т.1. – М., 1987. – С.5-20.
4. Lukaćs G. The Historical Novel. - Harmondsworth, 1969.
5. Петрунина Н.Н. Романы И.И. Лажечникова. // И.И. Лажечников. Сочинения. В 2т. – Т.1. – М., 1987. – С.5-20.

References:

1. Beshukova F.B., Zhachemukova B.M. The literary specifics of a historical novel genre // The AGU Bulletin. – Maikop, 2011. - Issue 1 (70). – P. 13-19.
2. Petrunina N.N. The novels of I.I. Lazhechnikov // I.I. Lazhechnikov. Works. In 2v. – V.1. – M., 1987. – P. 5-20.
3. Petrunina N.N. The novels of I.I. Lazhechnikov // I.I. Lazhechnikov. Works. In 2v. – V.1. – M., 1987. – P. 5-20.
4. Lukaés G. The Historical Novel. - Harmondsworth, 1969.
5. Petrunina N.N. The novels of I.I. Lazhechnikov // I.I. Lazhechnikov. Works. In 2v. – V.1. – M., 1987. – P. 5-20.